
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЩАНСКИХ ОБЩЕСТВ ГОРОДОВ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ОБЯЗАННОСТЬ ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?

А.В. Долгопятов

Российский государственный социальный университет
ул. В. Пика, 4, Москва, Россия, 129226

Мещанство наряду с личными и имущественными правами и обязанностями было наделено общественными правами, которые осуществлялись через имевшиеся в городах сословные корпоративные организации — мещанские общества. В статье на основе архивных материалов воссоздается картина их деятельности на рубеже XIX—XX вв., когда в условиях перехода от традиционного к индустриальному обществу отчетливо проявила себя тенденция изживания сословности.

Мещанство являлось вторым после крестьянства по численности и самым многочисленным городским сословием Российской империи. Среди существовавших в пореформенной России сословных корпораций — дворянских, купеческих, крестьянских — мещанские общества по характеру деятельности и имеющимся правам были ближе всего к крестьянским обществам в силу податного, непривилегированного характера обоих сословий. В отличие от крестьянских обществ, по истории которых меется большая историография, мещанские общества изучены слабо. Лишь в последнее время усилился интерес к ним в связи с рассмотрением сословного общества в России в целом и отдельных сословий, а также появлением региональных исследований о мещанстве (1). Специальные работы о мещанских обществах в городах Московской губернии отсутствуют. Их изучение стало возможно благодаря тому, что в Центральном историческом архиве г. Москвы сохранились документы в фондах Канцелярии московского губернатора (Ф. 17), Московского губернского правления (Ф. 54), Дмитровской городской шестигласной думы (Ф. 1633), Звенигородского мещанского старосты (Ф. 739) и Звенигородского городского старосты (Ф. 849), Серпуховского городского общественного управления (Ф. 549).

Мещанские общества создавались из мещан городского поселения. Они являлись органами сословного общественного управления, решали вопросы взаимоотношения членов общества между собой и с государством. Так была ли заинтересованность самих мещан в сохранении общества, или его существование являлось лишь проявлением консервативности общественного сознания, а деятельность исходила из предписаний законодательства?

Основная функция обществ заключалась в организации сословного управления путем созыва мещанских сходов, выбора должностных лиц — старост и их помощников, создания в некоторых городах мещанских управ, решения предусмотренных законом дел, касающихся сословия. Общие собрания или сходы являлись главным органом обществ в городах и обладали распорядительной

властью. Участвовать в них имели право все мещане мужского пола, «внесенные установленным порядком в списки мещан данного города» (2). В соответствии с Городовым положением 1870 г. сходы созывались мещанской управой или мещанским старостой. Городской голова, если он не принадлежал к мещанскому обществу, на собрании не присутствовал, а ответственность за порядок на нем лежала на мещанском старосте (3). Решения собраний оформлялись в приговорах, которые были обязательны для выполнения всеми членами общества. Материалы по Звенигороду свидетельствуют о том, что приговоры подписывались грамотными мещанами, вместо неграмотных расписывался один из уважаемых членов общества (4). Свидетельствование, что приговор мещанского общества подписан теми мещанами, которые находились в собрании, возлагалось на мещанскую управу, а где ее не было — на мещанского старосту (5). Избирательными правами, как и правом голоса в собрании, обладали домохозяева и мещане не моложе 25 лет, имеющие в городе капитал, годовой доход с которого не ниже 15 руб. Но «в городах, где таковых капиталистов не окажется, участвовать в выборах дозволялось лицам, имеющим меньший капитал» (6). Это достаточно неопределенное правило приводило к тому, что в таких малонаселенных городах Московской губернии, как Звенигород, Веря, Руза, мещан, участвовавших в выборах старосты, оказывалось больше, чем в одном из самых густонаселенных в Подмоскowie — Серпухове. Видимо, в Серпухове, Дмитрове, Можайске соблюдался имущественный избирательный ценз величиной в 15 руб. дохода с капитала, причем не обязательно это был владелец недвижимого имущества (7). Не имели права голоса иногородние мещане, даже если владели недвижимым имуществом в этом городе, и мещане, приписанные к городу Казенной палатой «только для счета», т. е. без согласия общества. Причинами, по которым обывателям разрешалось не присутствовать на выборах, были лишь болезнь, судебные дела в других местах, обязанность присутствовать на торгах, смерть или тяжелая болезнь близкого родственника, а также какой-либо несчастный случай при торговых делах в другом городе. По закону лишались права голоса подвергшиеся суду, отрешенные от должности в течение трех лет, состоящие под следствием, оказавшиеся «несостоятельными», лишенные духовного сана или звания за пороки, а также исключенные из среды общества (8).

Мещанский староста являлся главным должностным лицом в мещанском обществе. Он мог избираться на один, два, либо три года (9). В Звенигороде староста обычно избирался на один год, вплоть до 1892 г., когда по новому Городовому положению его обязанности по делам управления мещанским обществом стал исполнять городской староста. В деле «о выборе мещанского старосты г. Звенигорода» сохранилось объявление, которое дал действующий староста, приглашая мещан Верхнего и Нижнего посадов на выборы 7 января 1889 г.» (10). Под объявлением, согласно принятому порядку, подписался 31 ознакомившийся с ним мещанин. Скорей всего это почти все грамотные мещане, имеющие право голоса. После официального разрешения на производство выборов, полученного от губернатора, каждый из участников выборов должен был дать клятвенное обещание «...избирать из моих собратий таких, которые по качеству ума и совести их

нахожу способнейшими и достойнейшими и от которых надеюсь, что они в возлагаемых на них должностях окажут себя ревностными к службе Его Императорского Величества и попечительными о пользе общественной» (11). В выборах 7 января 1889 г. мещанского старосты г. Звенигорода принимали участие 65 мещан. За избрание старостой Егора Сергеевича Сильверстова было подано 58 шаров, т.е. голосов мещан, а против, только 6, и еще один шар не учитывался, как «собственный», Сильверстова. За Ивана Егоровича Мигачева *в качестве кандидата в старосты проголосовали 53 мещанина-выборщика и 11 — против* (12). Эта информация фиксировалась в официальном «баллотировочном листе», из которого видно, что данные выборы проходили на безальтернативной основе. Избранными могли быть лишь входившие в мещанское общество данного города, как правило, коренные и достаточно зажиточные обыватели. В соответствии с правилами Городового положения 1870 г. «баллотировочный лист» был представлен на утверждение Московского губернатора вместе с приговором Звенигородского мещанского общества о назначении жалования мещанскому старосте, на которое разрешалось выделять общественные средства. После этого старосте поступила депеша из канцелярии губернатора с просьбой сообщить «о том, не было ли заявлено каких-либо жалоб на неправильность производства выборов и если были, то в чем заключались и какие сделаны распоряжения». И лишь после выяснения, что «никаких жалоб не поступало», избрание Сильверстова мещанским старостой и Мигачева кандидатом в старосты было утверждено (13).

Мещанский староста, являясь формально общественным должностным лицом, был, с одной стороны, подотчетен собранию этого общества, а, с другой стороны, не получая жалования за исполнение своих обязанностей от государственных органов, находился, тем не менее, под их контролем. Обычно выборы мещанского старосты сопровождалась рапортом городского головы Московскому губернатору о благонадежности избранного старосты: «он вероисповедания православного, под судом и следствием не состоял и ныне не состоит и никаким раскольническим сектам не принадлежит», а в «баллотировочных списках» были сведения об имущественном положении кандидатов и о том, какие общественные должности они занимали прежде (14).

Вступающий в должность староста должен был дать клятвенное обещание, которым, по сути, присягал государю «...верно и нелицемерно служить, и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови... и стараться споспешествовать все, что в Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может...» (15). Староста отвечал за все происходящее в обществе перед государственными органами, руководил сходами и следил за соблюдением правил составления приговоров. Он распоряжался общественными средствами, но при контроле со стороны самого общества. Староста исполнял решения мещанских сходов «по предметам общественным и хозяйственным», отчитывался перед ними за расходы, занимался текущими делами, ведением делопроизводства, выдачей видов на жительство (16). Мещанский староста имел свою печать. Сохранившееся ее описание по г. Звенигороду свидетельствует о том, что в центре печати изображался герб города, а по краю надпись: «Звенигородский мещанский староста» (17).

В городах, где согласно Городовому положению 1892 г. действовало полное городское общественное управление, т.е. существовали общегородские и сословные институты, исполнительные органы мещанского общества могли состоять из одного мещанского старосты, старосты с помощниками или мещанской управы во главе со старостой. Из городов Московской губернии мещанские управы действовали лишь в Коломне и Серпухове. Управление Серпуховского мещанского общества в конце XIX в. включало старосту, «кандидата к нему», выбранных на три года, и канцелярии из трех лиц: старшего письмоводителя и двух его помощников (18). В большинстве городов губернии в 1890-е гг. с введением упрощенного городского общественного управления должности мещанских старост были ликвидированы, а их функции преданы городскому старосте и городской управе. Мещанские старосты остались только в Серпухове, Коломне и четырех подгородных слободах Богородска: Обуховской, Купавинской, Петровской и Фряновской (19). Вопрос о необходимости учреждения или сохранения мещанской управы для заведывания делами общества решался с учетом пожелания самих мещанских обществ губернатором. На вопрос анкеты хозяйственного департамента МВД от 10 сентября 1896 г. о том, «не сказывается ли на практике и какие именно неудобства имеются вследствие существования в городах, особенно в тех, где большинство населения принадлежит к мещанскому сословию, рядом с городским общественным управлением, управления частно — сословного», мещанский староста Серпухова дал следующий ответ: «Город с пятнадцатитысячным населением одного мещанского сословия нуждается в самостоятельной мещанской управе, которая ближе знает нужды своего общества и скорее может придти к нему на помощь, чем городское управление... Затем не лишне будет сказать, что граждане г. Серпухова освоились со своим учреждением настолько, что часто идут в его канцелярию по делам, касающимся их личной семейной жизни, и, получая совет, как поступать, уходят с благодарностью и успокоенные... Серпуховское мещанское управление ежедневно имеет в своей канцелярии до 30 человек по разным надобностям, и ежедневно получается масса бумаг от многих мест и учреждений как правительственных, так и частных; и все аккуратно выполняется канцелярией и без задержки» (20).

Во всех же других городах губернии, кроме вышеуказанных, сохранялись сословные управления в лице собраний мещанских обществ, продолжающих обладать распорядительной властью по своему, строго очерченному и сокращающемуся кругу вопросов, а исполнительные функции мещанских старост были переданы городским старостам соответствующих поселений, что также «не вызвало на практике никаких неудобств» (21). В этих небольших городах не было и надобности в замене общего схода мещан собранием выборных ввиду малочисленности населения. Этот вопрос ставился государственными органами перед мещанским управлением, а для некоторых местностей уже была установлена замена общего схода собранием выборных (22). Для Серпухова, где мещанское общество было относительно многолюдным и активным, мысль об избрании выборных была актуальна. Мещанский староста города считал, что «собрание выборных давало бы управлению возможность иметь постоянно одних лиц, облеченных правом всего общества, и срок выборных должен быть не менее трех

лет» (23). С одной стороны, мещане, имеющие право голоса в собрании, не всегда могли уделять внимание общественным делам, часто отлучались, например, по торговым делам, а с другой, сохранение сильного мещанского общества и упорядочивание отвечало интересам подавляющего большинства представителей сословия, заинтересованных в социальной поддержке.

Законодательство, преследуя фискальные и охранительные цели, предусматривало обязательность для податных сословий приписки к какому-либо обществу, избрание «рода жизни». Приемные и увольнительные приговоры подписывались всеми участниками схода и отсылались в Казенную палату, спорные вопросы разрешались губернатором либо Министерствами финансов и внутренних дел. Архивные данные по Дмитрову, Звенигороду показывают, что на собраниях решались наиболее часто вопросы о приеме в мещанское общество и увольнении из него; в большинстве случаев рассматривались прошения крестьян о причислении их в общество (24). Для этого им необходимо было представить удостоверение из соответствующего Волостного правления «о неимении препятствий к перечислению», а также метрики о рождении детей, если они имелись. Приписывались в мещанское сословие вместе с семейством, т.к. закон не допускал раздробления семьи (25). Приемный приговор оформлялся решением общего собрания мещан на гербовом листе достоинством 20 коп., который прилагался вместе с заявлением желающего вступить в общество. Нередко прошение о причислении в мещане сопровождалось объяснением мотива такого решения. Немногим меньше, чем о причислении, рассматривалось на мещанских сходах дел об увольнении из состава общества (26). В большинстве случаев лишь долги по уплате сборов, свои, либо членов семьи, могли стать препятствием для выдачи увольнительного приговора. Такие документы не требовались одиноким женщинам, получавшим увольнение у старосты, а также лицам, приписанным к мещанскому обществу без его согласия. Круг таких лиц расширялся, и к их числу в принципе относились все те, кому закон предписывал право и обязанность избрать род деятельности.

Принятие исправительных мер по отношению к своим недостойным членам было одной из обязанностей мещанских обществ, возложенных на них государством. По закону общества до трех раз по своим приговорам могли применять к избалованным в пьянстве, мотовстве и вообще в порочном и развратном поведении мещанам разные казенные, городские и частные работы (27). Если принятые меры не давали результата, собрание общества имело право составить приговор об исключении таких мещан из своих рядов и передаче их в распоряжение правительства с последующим отправлением на поселение в Сибирь (28). И если в Звенигороде к столь радикальным мерам в первой половине 90-х гг. XIX в. общество не прибегало (29), то в Серпухове за те же пять лет «в распоряжение правительства было передано из 15 лиц — 10 человек, и они сосланы в Сибирь, а пять человек приняты обратно в свою среду по желанию родителей и в надежде на их исправление» (30). Мещанские общества и управления в целом не обладали ни возможностями, ни желанием, ни отлаженным механизмом дисциплинарного воздействия на своих членов и внесудебных наказаний, поэтому вполне логичным стала их отмена Указом императора от 12 июня 1900 года (31).

Контроль мещан в уплате государственных и общественных налогов и сборов, за выполнением различных повинностей считался одной из главных функций мещанских обществ и управлений, возложенных на них законом (32). После отмены в 1863 г. с мещан, проживающих в городах, некоторых государственных повинностей и подушной подати, которые были заменены налогом с недвижимых имуществ (он взимался Казенными палатами), мещанские общества продолжали собирать и распоряжаться своими общественными сборами. Порядок их взимания и сумма определялись решением мещанского схода и могли заметно отличаться в зависимости от специфики сословного общества конкретного города. В Звенигороде с мещан, имеющих оседлость в городе, в бюджет общества к концу 1880-х — началу 1890-х гг. взималось по 50 коп., а с не имеющих — по 2 руб. в год общественных повинностей. Для скудной казны Звенигородского мещанского общества сборы с «мещан, живущих в отлучке», всегда являлись основным источником пополнения. Что же касается значительных недоимок по общественным сборам, то они числились и на коренных мещанах, и на проживающих на стороне (33). В Серпухове в обложении мещан общественным сбором не было разделения на какие-либо группы, и только указано, что «средний размер отдельных плательщиков 50 коп. в год». Доля мещан, проживающих на стороне, среди всего численного состава сословия в Серпухове в 1896 г. составляла менее 14%, и не было особого смысла в увеличении сборов с этой группы мещан. Общая сумма годового сбора здесь меньше, чем в Звенигороде: 1200 руб. против 1956 руб., притом, что численность мещан Серпухова 14 610 человек, а Звенигорода — 10 393 человека (34). Мещанское управление Серпухова имело значительные капиталы и не стремилось поэтому к увеличению общественного сбора, который вносился «добровольно без какого-либо принуждения» (35). Отсутствовала в конце XIX в. в Серпухове и круговая порука в уплате общественных сборов, в Звенигороде она также уже не применялась, но там «члены одного семейства взаимно отвечали за исправный платеж повинностей, причитающихся с этого семейства» (36).

Помощь малоимущим при лечении и содержании в больницах была предусмотрена законодательством и являлась, таким образом, обязанностью общества (37). Вопрос о том, действительно ли нуждающийся мещанин не мог оплачивать счет за стационарное лечение, решался мещанским собранием, и если такой приговор не выносился, то деньги взыскивались с самого больного. В Звенигороде расходы на лечение мещан в местной земской и прочих больницах составляли в 1889 г. более ста рублей, что для скудного бюджета звенигородских мещан весьма немалая сумма. Учетная ведомость за первое полугодие 1889 г., составленная счетчиками для мещанского общества Звенигорода, показывала, на какие еще нужды шли небогатые общественные суммы. Жалованье на осуществление мещанского управления было самой существенной статьей расхода: мещанскому старосте на оплату канцелярских затрат было выдано 129 руб. 96 коп., письмоводителю с наградными — 140 руб., сторожу — 72 руб. На отопление помещения мещанского управления было оплачено 30 руб. в счет долга за 1888 г. и 50 руб. за текущий; 47 руб. 50 коп. выделено на икону для мещанского общества.

По 7 руб. выплачено самим счетчикам, осуществлявшим контроль за расходованием средств мещанским старостой. Это были уважаемые среди мещан Звенигорода Николай Субботин, Клим Благушин и Андрей Смолин, избранные вскоре после выборов самого старосты (38).

Поддержка убогих, больных и неимущих была, с одной стороны, потребностью и необходимостью со стороны самих мещан и общественных управлений, а, с другой стороны, обязанностью, закрепленной законодательно (39). Звенигородское мещанское общество, не имея финансовых возможностей для основания и содержания каких-либо учреждений общественного призрения, шло по пути выделения общественных средств частным лицам, бравшим на содержание призреваемых мещан. В первом полугодии 1889 г. общество выделило нуждающимся 57 руб. 80 коп., а по рапорту городского старосты в Московское губернское правление в 1896 г. на содержание и пособия престарелым и неимущим членам Звенигородского мещанского общества расходовалось 230 руб. в год (40). Гораздо больше мещане «беднейшего состояния» получали с капиталов, пожертвованных известным благотворителем потомственным почетным гражданином М.И. Крашенинниковым. Пособия, обычно по 5, 10 или 15 руб., выдавались нуждающимся мещанам к праздникам Рождества Христова, Пасхе и Св. Троицы по заявлению или по решению общества. Такую помощь получали до 95 человек (41).

Мещанское общество Серпухова вместе с органами городского общественного управления имело больше возможностей для оказания помощи неимущим обывателям. Общество выдавало пять стипендий для учащихся. Кроме средств мещанского общества на содержание сословных благотворительных и учебных учреждений, городской управой выдавалось дополнительно 4,5 тыс. руб. «Престарелым, убогим и неимущим членам, не находящимся на призрении в упомянутых заведениях, выдавалось ежегодно из доходов с имущества частных благотворителей до 27 тыс. руб.» (42). Таким образом, благотворительность была предметом совместной заботы сословного, городского общественного управлений и частных лиц. Мещанское общество являлось юридическим лицом, за которым закон признавал право владеть имуществом, вступать в договоры. Например, мещанскому обществу Серпухова кроме капиталов и средств с общественного сбора принадлежало в конце XIX — начале XX в. здание приюта для престарелых и больных, луговая и береговая земля.

В отличие от крестьянских обществ, занимавшихся переделами земли и ее использованием, другими хозяйственными делами, экономическая деятельность мещанских обществ в конце XIX в. ограничивалась вопросами аренды земли. Право распоряжаться городскими угодьями после реформы 1870 г. перешло к органам городского общественного управления. Сдача городской земли в аренду становится одним из основных способов увеличения доходов городов и посадов Московской губернии. В 1894 г. в Звенигороде эти сборы составляли почти четверть всех городских доходов (43). Особенно остро земельный вопрос стоял перед жителями небольших городских поселений Подмосковья, для которых сельскохозяйственные занятия являлись по-прежнему ведущими: в первую очередь к таким нужно отнести Дмитров, Звенигород, Рузу, Волоколамск, заштатный

Воскресенск, Бронницы. Важность использования городских земель для мещан видна из примера Павловской подгородной слободы Звенигорода. Мещане этого «городского только номинально» поселения составляли отдельное общество, в которое входили в 1890 г. 1452 человека. Сословных капиталов Павловское общество не имело, но доходность дарованной по Высочайшему повелению 1351 дес. 260 саж. усадебной, луговой и пахотной земли полностью покрывала расходы на содержание мещанского управления, благотворительность и прочее. Часть земли сдавалась в аренду различным частным лицам, суммы с оброчных статей позволяли не собирать со своих членов общественных повинностей и обходиться без долгов (44).

Мещанские общества ведали и продовольственными капиталами, которые до 1866 г. создавали сами, а позже получали в уездных земских управах, а с 1908 г. в городских управах. При необходимости продовольственный капитал выдавался мещанским обществам в виде денежной ссуды для закупки хлеба с обязательным последующим ее возвратом (45). С одной стороны, это было благом для мещан в голодные годы, а с другой, с учетом нищенского бюджета обществ, увеличивало их долги. В Звенигороде за мещанским обществом числилось в 1896 г. 491 руб. 60 коп. долгов «за выданный в ссуду сословный продовольственный капитал». Эта сумма была почти на сто рублей больше, чем долги за лечение мещан, и составляла примерно четвертую часть среднегодового бюджета общества. Продовольственного капитала мещанского общества, хранящегося в Звенигородской земской управе, числилось в том году 636 руб. 24 коп. (46).

В «постоянном распоряжении» Серпуховской уездной земской управы в 1896 г. находилось 5227 руб. продовольственного капитала мещанского общества. Долгов не только по продовольственному капиталу, но и по каким-либо другим обязательствам, не считая «мелких сумм разным учреждениям и больницам», у мещанского общества Серпухова не было (47). Из сравнения видно, насколько отличалось материальное положение в целом мещан крупного промышленного центра Подмосковья, каким был Серпухов, от их положения в Звенигороде — «типичном захолустном уездном городе». Неимущие представители сословия в Серпухове, благодаря заботам общества и в целом относительному экономическому благополучию города, были в более выгодном положении, чем звенигородские беднейшие мещане, что сказывалось на все возрастающем отходе последних на заработки.

Изученный материал свидетельствует о почти полном отсутствии в мещанских обществах городских поселений губернии к началу XX в. признаков общинных отношений: земельных переделов, круговой поруки, обычно-правовых отношений. Зато соответствие деятельности обществ законодательству прослеживается повсеместно. Несмотря на уменьшение в конце XIX — начале XX в. роли мещанских обществ, существование которых поддерживалось в значительной степени консервативностью общественного сознания, а основная деятельность все более сводилась к благотворительности, на примере функционирования мещанской управы Серпухова отчетливо видно, что при грамотной постановке дела и соответствующих материальных возможностях общества могли еще быть

весьма значимы и необходимы для мещан. Таким образом, тенденции ликвидации сословности в России сопутствовало известное укрепление сословного начала.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. — СПб., 1999. — Т. 1, 2; *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословно-классовая структура России в конце XIX — начале XX в. — М., 2004; *Останина Л.В.* Мещанство Западной Сибири в конце XVIII — 60-х гг. XIX в. ... Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1996; *Каплуновский А.П.* Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья. 1870—1918 гг. (Этно-историческое исследование). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1998.; *Кострикова О.А.* Мещанство уездных городов Ярославской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Иваново, 2003; *Гончаров Ю.М., Чутчев В.С.* Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX в. — начала XX в. — Барнаул, 2004; *Белослудцева В.В.* Мещанское сословие Пермской губернии во второй половине XIX — начале XX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Пермь, 2006; *Кошман Л.В.* Мещанство в России в XIX в. // Вопросы истории. — 2008. — № 2.
- (2) Свод законов Российской империи (далее — СЗ). — 1876. — Т. 9: Законы о состояниях. — Ст. 596.; *Мыш М.И.* О мещанских и ремесленных управлениях. — С. 47, 74—75.
- (3) *Мыш М.И.* Городовое положение со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. — СПб., 1881. — С. 319.
- (4) Центральный исторический архив г. Москвы (далее — ЦИАМ). — Ф. 739. — Оп. 1. — Д. 42. — Л. 2—2 об.
- (5) *Мыш М.И.* Городовое положение... — С. 319.
- (6) СЗ. — 1876. — Т. 9. — Ст. 597.
- (7) ЦИАМ. — Ф. 17. — Оп. 97. — Д. 461. — Л. 3—130.
- (8) СЗ. — 1876. — Т. 9. — Ст. 596, 598, 599, 669; *Мыш М.И.* О мещанских и ремесленных управлениях... — С. 47, 74—75.
- (9) ЦИАМ. — Ф. 17. — Оп. 97. — Д. 461. — Л. 3—130.
- (10) Там же. — Ф. 739. — Оп. 1. — Д. 65. — Л. 1.
- (11) Там же. — Ф. 17. — Оп. 97. — Д. 461. — Л. 56.
- (12) ЦИАМ. — Ф. 739. — Оп. 1. — Д. 65. — Л. 4.
- (13) ЦИАМ. — Ф. 739. — Оп. 1. — Д. 65. — Л. 4 об. — 7.
- (14) Там же. — Ф. 17. — Оп. 97. — Д. 461. — Л. 3, 5—9, 42—43; Ф. 17. — Оп. 65. — Д. 7. — Л. 5.
- (15) Цит. по: *Гончаров Ю.М., Чутчев В.С.* Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX в. — начала XX в. — С. 196.
- (16) СЗ. — 1899. — Т. 9. — Ст. 595—596, 601.
- (17) ЦИАМ. — Ф. 739. — Оп. 1. — Д. 20. — Л. 68.
- (18) Там же. — Ф. 549. — Оп. 3. — Д. 1437. — Л. 9.
- (19) Памятная книжка Московской губернии на 1908 г. — М., 1907. — С. 133—134, 389, 542; *Мыш М.И.* О мещанских и ремесленных управлениях... — С. 40.
- (20) ЦИАМ. — Ф. 549. — Оп. 3. — Д. 1437. — Л. 16 об. — 17.
- (21) Там же. — Ф. 849. — Оп. 1. — Д. 186. — Л. 6.
- (22) СЗ. — 1876. — Т. 9. — Ст. 671.
- (23) ЦИАМ. — Ф. 549. — Оп. 3. — Д. 1437. — Л. 15—15 об.
- (24) Там же. — Ф. 1633. — Оп. 1. — Д. 1491. — Л. 4 об. — 5 об., 15 об. — 16, 34; Ф. 739. — Оп. 1. — Д. 15. — Л. 1—62.
- (25) СЗ. — 1899. — Т. 9. — Ст. 565; ЦИАМ. — Ф. 739. — Оп. 1. — Д. 15. — Л. 1—62.

- (26) ЦИАМ. — Ф. 739. — Оп. 1. — Д. 15. — Л. 31, 50, 52, 57.
- (27) Полный свод законов Российской империи. Собр. II. (далее — ПСЗ — II) — Т. 12. — Отд. 1. — № 10344; Т. 26. — Отд. 1. — № 24874; Отд. 2. — № 25820; ЦИАМ. — Ф. 1633. — Оп. 1. — Д. 1491. — Л. 22 об. — 23 об.
- (28) СЗ. — 1899. — Т. 9. — Ст. 580.
- (29) ЦИАМ. — Ф. 849. — Оп. 1. — Д. 186. — Л. 6.
- (30) Там же. — Ф. 549. — Оп. 3. — Д. 1437. — Л. 16.
- (31) ПСЗ — III. — Т. 20. — Отд. 1. — № 18839. — Ст. II.
- (32) *Мыш М.И.* О мещанских и ремесленных управлениях... — С. 111; *Вилейшис Я.М.* Систематический сборник законов о мещанских управлениях. — С. 167—170.
- (33) ЦИАМ. — Ф. 849. — Оп. 1. — Д. 186. — Л. 5; Ф. 739. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 1, 139 об.; Д. 65. — Л. 9.
- (34) Там же. — Ф. 849. — Оп. 1. — Д. 186. — Л. 8; Ф. 549. — Оп. 3. — Д. 1437. — Л. 9.
- (35) ЦИАМ. — Ф. 549. — Оп. 3. — Д. 1437. — Л. 10.
- (36) Там же. — Ф. 849. — Оп. 1. — Д. 186. — Л. 5.
- (37) СЗ. — 1892. — Т. 13: Устав общественного призрения. — Ст. 199—204.
- (38) ЦИАМ. — Ф. 849. — Оп. 1. — Д. 186. — Л. 4.
- (39) СЗ. — 1857. — Т. 14: Устав о предупреждении и пресечении преступлений. — Ст. 257, 266; Устав о паспортах и беглых. — Ст. 1588.
- (40) ЦИАМ. — Ф. 739. — Оп. 1. — Д. 65. — Л. 11; Ф. 849. — Оп. 1. — Д. 186. — Л. 5.
- (41) Там же. — Ф. 849. — Оп. 1. — Д. 112. — Л. 1—47.
- (42) Там же. — Ф. 549. — Оп. 3. — Д. 1437. — Л. 10—11, 13—14.
- (43) Московские губернские ведомости. — 1894. — № 11. — С. 7.
- (44) ЦИАМ. — Ф. 849. — Оп. 1. — Д. 186. — Л. 4—5, 8.
- (45) *Вилейшис А.М.* Систематический сборник законов о мещанских управлениях. — С. 343—344.
- (46) ЦИАМ. — Ф. 849. — Оп. 1. — Д. 186. — Л. 4.
- (47) Там же. — Ф. 549. — Оп. 3. — Д. 1437. — Л. 12.

THE WORK OF THE BOURGEOIS SOCIETIES IN THE CITIES OF MOSCOW GUBERNIYA IN THE LATE 19th — THE EARLY 20th CENTURIES: THE DUTY OR THE NECESSITY?

A.V. Dolgopiatov

The State Social University of Russia
Wilhelm Pik Str., 4, Moscow, Russia, 129226

Together with private and property rights and duties the bourgeoisie was given a number of social rights. These rights were realized by the means of the city estate corporational organizations — namely the bourgeois societies. In the article the picture of the work of the bourgeois societies at the turn of 19th — 20th centuries is described on the basis of the archive documents. At this period of transition from the traditional to the industrial society the tendency of overcoming the social hierarchy was clearly outlined.